

**ФИЛОСОФИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К СОВРЕМЕННОСТИ**
(Рецензия на книгу: О. А. Жукова. *Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории.* М.: ООО «Издательство “Согласие”», 2017. 624 с.)

Алла Юрьевна Большакова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН.
E-mail: allabolshakova@mail.ru

Профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» О. А. Жукова — ученый, склонный к постоянной реализации своих знаний и идей не только в педагогической практике и учебной литературе, как это свойственно многим преподавателям, но в научных статьях и монографиях, число которых постоянно растет. Только за последние годы этим философом культуры написано и опубликовано три объемных научных работы, востребованных культурологами, философами, историками, литературоведами и искусствоведами, преподавателями, аспирантами, студентами.

Новая монография Жуковой посвящена феномену русской культуры в многообразии ее высоких практик — религии, философии, искусства, литературы, политики, философии. В этом исследовании она продолжает исследовать философию русской культуры и истории отечественной мысли, что и ранее осуществлялось в ее трудах «Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России» (М.: Согласие, 2014) и «На пути к Русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России» (М.: Фонд Либеральная Миссия, 2013), о чем мне довелось писать в журнале «Вопросы философии». Чем особенно привлекла лично меня последняя книга, на страницах которой возникли живые портреты ведущих русских мыслителей XIX–XX вв.? Прежде всего тем, что пафос ее — не в фактографическом напоминании о прошлом, но в попытке через реставрацию линии свободлюбия в русской интеллектуальной культуре провести своего рода ревизию нынешнего состояния общественной и научной мысли о России. Основания для критики давало автору обращение к цивилизационной традиции как средоточию вечных духовных ценностей — свидетельство многовековой причастности России к европейской христианской цивилизации.

Следуя высоким образцам русской культурно-философской и историософской мысли, Жукова и в новой книге выявляет смысловое взаимодействие и взаимовлияние социально-политических, религиозных, художественно-эстетиче-

ских и философских идей и ценностей в историческом опыте России в процессе становления и развития ее духовной и интеллектуальной культуры как единого, хотя и противоречивого целого. С содержательно-аналитической точки зрения исследование Жуковой развивается по нескольким важнейшим векторам, затрагивая актуальные проблемы современных гуманитарных наук, от философии и культурологии до науки о литературе и искусствоведения. Отсюда многообразие методологических подходов, разрабатываемых автором: философско-культурологический, герменевтический, структурно-семиотический. Исследование обретает междисциплинарный характер, что особенно ценно в ситуации свертывания некоторых научных направлений к узкой специализации и самозамкнутости в малом исследовательском пространстве. «Выстраивая историческую логику культурного развития России, мы рассматриваем историко-культурные явления, художественные произведения, творческие прецеденты, интеллектуальные биографии творцов русской культуры как самостоятельные, но внутренне связанные сюжеты», — объясняет свою концептуальную позицию исследовательница (21).

Жанр монографии можно условно обозначить, следуя терминологической системе самого автора (со ссылкой на С. Л. Франка), как «*метафизическое введение в философию русской культуры*» (здесь и далее курсив автора. — А. Б.), в центре которого — «архетипичные темы русской философии и сам метод русского философствования» (Там же).

Задаваясь целью реконструировать единое пространство русской культуры, автор отстаивает необходимость выработать новую методологию исследований по истории русской мысли и истории, что связано с проблемой преемственности идей русской философии.

Отсюда, в свою очередь, возникает потребность пересмотреть терминологическое содержание основных концептов: «*“русская философия”, “философия русской культуры”, “философия русской истории”*» в контексте «вопроса о самой возможности существования и развития *“русского проекта” философствования в современной интеллектуальной культуре*» (7).

Главный вопрос книги — возможен ли проект русской мысли и философии русской культуры в ситуации отказа от метафизики и общей дехристианизации современной культуры? Может ли вновь прозвучать со всей силой метафизический вопрос о человеке, культуре и творчестве, который был некогда поставлен русскими мыслителями — от Карамзина и Станкевича до Федотова, Бердяева, Трубецкого, Вейдле и Степуна, которым посвящены отдельные главы в многогранной книге.

«Можно ли сегодня по примеру выдающихся умов России и Европы выступить с программой борьбы за метафизическое мировоззрение, за обнаружение вечно-

сти и времени в бытии, т.е. за человека и историю, осознающих себя в бытии?» (603) В ответе Жуковой на этот вопрос, имеюшем, на мой взгляд, программный характер, заключен основной авторский пафос и ключ к пониманию того, ради чего и написана книга: «Как представляется, эта возможность связана с последовательным отстаиванием целостности культурного предания России, цивилизационная идентичность которой устанавливается через европейский код русской культуры — через христианский универсализм, присущий всем главным авторам ее метатекста, малая часть которых стала героями этой книги» (603–604).

Особого внимания заслуживает *содержательная структура* представленного в новой книге Жуковой исследования, его *основные направления* и собственно *логика развертывания материала*. Если первая часть книги более тяготеет к *философии истории*, то вторая — к *религиозной метафизике культуры и истории*.

В первом разделе монографии «Человек русской культуры. Опыт философско-культурологической реконструкции» конституируется модель интерпретации культурной истории России и русской культуры. Объединяет первый раздел авторская типология культуры на основе типологии личности в контексте христианского универсализма культуры и искусства. Обращение к литературной традиции сочетается здесь с рассмотрением эстетики иконописи и культового искусства, анализ нравственных констант русской культуры через древнерусскую письменность и русскую литературную классику (преемственность моральных идеалов, порицание греха).

На примере знаменитого литературного памятника «Слово о полку Игореве» автор доказывает, что во времена русского Средневековья именно «литература становится мощным фактором культурного самосознания русского человека», формируя «ценностно-смысловой мир русской культуры» (32). Прослеживается, как происходит становление ключевых первообразов, прежде всего концепта *Русская Земля*. Действительно, для средневекового творца-мыслителя мироздание — это прежде всего *Земля*, осваиваемая тем или иным племенем и позже народом, имеющая родовое значение. Думается, один из первых образцов нашей словесности — «Повесть временных лет», посвященная тому, как и откуда появилась Русская Земля, — прежде всех остальных памятников русского Средневековья дает представления об этом архетипе.

В целом в литературе русского Средневековья возникает и обретает статус идейно-художественной доминанты такая особенность словесного творчества, как связь изображаемых реальных событий истории и жизни человека с их провиденциальным смыслом, открывающимся средневековым мастерам в новом для них христианском мировоззрении. По определению Жуковой, именно это позволяет автору «Слова о полку Игореве» создать «потрясающее полотно — топографически точную панораму Русской земли, которая теперь существует не

в старом языческом, но в новом христианском культурно-историческом пространстве» (32). В этом плане автор книги продолжает развивать линию, определенную Д. С. Лихачевым в его теории абстрагирования в культуре русского Средневековья: «Стремление к художественному абстрагированию изображаемого проходит через всю средневековую русскую литературу. Стремление это сказывается по преимуществу в высоких жанрах литературы, но оно очень для нее характерно, отражая идеалистичность средневекового мировоззрения <...> Основное, к чему стремятся авторы произведений... — это найти общее, абсолютное и вечное в частном, конкретном и временном, “невещественное” в вещественном, христианские истины во всех явлениях жизни. Стилистический принцип, следовательно, тот же, что и нравственный: “Въ веществънъ телеси носити невещественное”» (Лихачев, 1979: 102–103).

Рассматривая уникальный опыт русской иконописи (Андрей Рублев), архитектуры (храмостроительство), исследовательница приходит к важным обобщениям, сосредоточиваясь на соотношении Слова, художественного Образа и Первообраза в христианском понимании. В творчестве Средневековой Руси художественный образ осмыслялся в сакральной связи с Первообразом, выступая «зримым выражением духовного начала в жизни человека». Так, иконный образ у Андрея Рублева и других выдающихся мастеров стал воплощением «духовного совершенствования, который был предельным в святоотеческом понимании святости» (47). Высокая традиция святости в средневековом русском искусстве представляла жизнь святого как образ и подобие самого Спасителя.

Переходя от анализа истоков отечественной культуры к обобщениям, Жукова рассматривает концепт *Мир* — в контексте нуминозных архетипов — как модель пришедшей на Русь христианской эстетики, предполагающей единство прекрасного и доброго, благого. «В восприятии мира как красоты выражена основополагающая для христианства идея Бога-художника, в творении Которого раскрывается Его Премудрость — совершенный замысел о мире и человеке» (Там же).

Много места в монографии уделено воссозданию картины литературного процесса от Средневековья до Нового времени. Русская литература XI–XIX вв. воспринимается автором как единый, хотя и сложный, внутренне противоречивый процесс. Преодолеть свойственную нынешнему литературоведению эклектичность в построении истории художественной словесности помогает Жуковой единый подход, основанный на высоких этических ценностях. Русская литература воспринимается ею как единое целое, искони репрезентирующее нравственный порядок человеческого бытия: это моральная философия и одновременно учение о человеке. Глава поделена на содержательно-смысловые отрезки, каждый из которых подводит творчество писателей разных времен к единому этическому знаменателю. Так, параграф «Слово против сребролюбия» о литературных

отражениях христианского понимания сребролюбия как источника гибели человека позволяет выстроить единую линию — от произведений средневековых святых (Ефрема Сирина, Григория Богослова, Иоанна Златоуста) до образов русской классики XIX в. (Пушкина, Гоголя).

Подводя итоги своего экскурса в историю русской литературы и фольклора от давних столетий до Нового времени, Жукова резюмирует: «Литературное и устное слово сохранили в истории русской культуры живые традиции религиозности, стремление к духовному совершенствованию, в многообразии духовно-творческого опыта удерживая основные нравственные аксиомы и эстетические идеалы христианской цивилизации» (130).

Дальнейшая реконструкция эстетических идеалов в художественном опыте русских творцов проводится автором книги на примере музыки и живописи в сочетании с исследованием преемственности религиозных идеалов творчества (интуиция Совершенного, моральная ответственность художника). Рассматривается эстетика пейзажного образа в русском искусстве, концепт красоты и совершенства, идеал гармонии — через синтез природного, культурного и божественного.

Направление анализа во второй части первого раздела «Метаморфозы культурной традиции» проходит по линии модификации идеалов русской классики в постклассике и неклассическом опыте культуры. Здесь остро встает проблема преемственности и отталкивания от традиции. Поскольку категория традиции обретает ключевое значение в рассматриваемой монографии, определюсь с терминологическим содержанием. По моему мнению, под *традицией* (от лат. *traditio* — передача, предание), исходя из дефиниций современных теоретиков, следует понимать «культурно-художественный опыт прошлых эпох, воспринятый и освоенный писателями в качестве актуального и непреходяще ценного, ставший для них творческим ориентиром» (Мозолева И. А., Хализев В. Е., 1987: 443). Схожая ценностная позиция позволяет автору книги выстраивать сущностные длинные линии в движении русской культуры, не упуская из виду эволюционных изменений. С другой стороны, реалии культурного развития диктуют автору книги свои права, побуждая не обходить ситуаций, когда традиция претерпевает значительные изменения или когда нормой в тот или иной период становится отступление от нее, развитие в противоборстве с нею. Потому особое внимание в книге Жуковой уделено позитивизму и утопии русского авангарда, мистической интуиции и философии творчества символизма, религиозно-философским идеалам и ценностям русской культуры в процессе духовного сопротивления (писателей, композиторов), исторической динамике русской культуры (на примере образа ночи) в литературе и кинематографе.

Во втором разделе «Русская культура: философская оптика исторических трансформаций» представлено восприятие культурной истории России в творческом опыте русских мыслителей, совершивших попытку интеллектуального синтеза дискурсивных и недискурсивных практик европейской и русской культуры.

Автором предпринимается реконструкция философии русского европеизма с ведущими для нее темами российской историософии, метафизики власти и культуры, философии творчества.

В методы и способы такой реконструкции входят:

- концептуализация творческого опыта выдающихся авторов русской культуры, их интеллектуальной эволюции;
- интерпретация тем, определяющих направленность и характер философствования (глубинную мотивацию личности, интеллектуальный и нравственный горизонт жизни, ее программу).

В центре исследовательского внимания — феномен национальной культуры, этический идеал в духовной истории России, восточное православие как идеально-ценностная и практическая основа социума и культуры, мораль и политика в социальной истории, феномен свободы, универсализм отечественной культуры, онтологизм русской мысли, экзистенциальные манифесты, аналитика революции, метафизическая идея русской культуры и истории.

В отличие от предыдущего раздела, вторая половина монографии Жуковой построена по принципу анализа персоналий: автор задается целью осветить модификации философско-культурной традиции на протяжении XVIII–XX вв. через типологию творческих личностей от Карамзина и Аксакова до Трубецкого и Бердяева. Каждый из них знаменателен вкладом в формирование культурного кода России. Так, Н. М. Карамзин привлекает автора своей философией истории, задавшей направление отечественной мысли на следующие столетия. Н. В. Станкевич интересен вкладом в русский европеизм, сочетающий ценности национальной культуры и философского модерна. И. С. Аксаков способствовал укреплению христианских основ общественной жизни. Г. П. Федотов проявил себя как философ культуры и истории, много размышлявший о России и свободе. Исследуя христианскую логику исторического процесса, С. Н. Трубецкой сосредоточился на проблемах свободы и бессмертия. В эсхатологической метафизике Н. А. Бердяева высвечивался духовный смысл творчества как такового. Е. Н. Трубецкой выстраивал метафизику революции, концентрирующей в себе смысл и бессмыслицу эпохи, а метафизическая культурсоциология Ф. А. Степуна подводила основания под идею России. Таковы многоликие аспекты философской оптики, увиденные автором книги сквозь призму типологии творческой личности и дающие объемное представление о движении отечественной культурно-философской мысли на протяжении нескольких столетий.

Выводы, к которым приходит автор в завершающей монографию части «Модус России. Русская культура во времени и вечности», составляют идейно-содержательное ядро книги, к которой внутренне тяготеют все предшествующие разделы и главы. Автор убедительно доказывает необходимость смыслового расширения философского концепта «Россия — русская культура» «на пересечении проблемных полей современной философии, которая наследует традиции русской и европейской интеллектуальной культуры в многообразии жанров ее философского дискурса» (601). Исходя из этого принципа, Жукова рассматривает общность русской и европейской мысли в XX в. как «метатему кризиса европейской культуры, которая служит выражением и воплощением кризиса проекта модерна» (603).

На таком культурно-историческом фоне особое внимание привлекает вывод автора о моноцентрическом характере русской мысли: «Глубоко оправданным и внутренне логичным представляется развитие духовно-интеллектуальных программ (что особенно характерно для философов Серебряного века), в которых соединяются ходы мысли, связанные с построением базисной философской системы и философской критикой исторического опыта Российской цивилизации» (606).

Жукова отмечает особый вклад русской мысли в становлении и сохранении цивилизационного статуса России: «...Идея русской философии направлена как на создание оригинальной христианской метафизики, так и на сохранение единства смыслового поля отечественной культуры, ее “семиосферы”, удерживающей исторический массив российской цивилизации в большом времени мировой культуры» (607).

Исследовательская перспектива, которую в итоге открывает нам монография Жуковой, утверждает идею духовно-интеллектуальной преемственности в противовес беспочвенным теориям оторванности нашего времени от высокой культурно-философской традиции, на протяжении веков хранившей целостность России и русского народа наперекор историческим катаклизмам и цивилизационным сломам. Это делает настоящий труд действительно масштабным и ценным в научном плане. Обозначая дальнейший путь философского познания культурной и интеллектуальной истории России, можно солидаризироваться с позицией Жуковой, возлагающей надежды на «появление понимающего исследователя-соавтора предшествующей традиции, который для своего времени культуры будет являться Автором, доказывающим идею актуального наследия (актуальной классики)» (608). Ведь «именно такой тип научной и духовной ответственности, дающий глубокий опыт прочтения современности-через-прошлое и прошлого-через-современность», по мнению автора книги, «позволит удерживать пространство смыслов и ценностей русской духовной и интеллектуальной культуры» (Там же).

Литература

Лихачев Д. С. (1979). Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука.

Мозолева И. А., Хализев В. Е. (1987). Традиция и новаторство // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия.

References

Lihachev D. S. (1979). Poehtika drevnerusskoj literatury. M.: Nauka.

Mozoleva I. A., Halizev V. E. (1987). Tradiciya i novatorstvo // Literaturnyj ehnciklopedicheskij slovar'. M.: Sovetskaya ehnciklopediya.